

ТИХИЙ ЧЕЛОВЕК

Л. Ю. Прудникова

Так уж получилось, что моё настоящее знакомство с Валентином Вонифатьевичем состоялось поздно — гораздо позже, чем я стала замечать в коридорах биофака этого странного человека; гораздо позже, чем познакомилась с многочисленными сплетнями и домыслами на его счёт. Я даже не помню момента его появления в моей судьбе. Он не вспыхнул внезапно на горизонте, не поразил, не очаровал; его почти невесомый силуэт скользнул где-то на периферии сетчатки, не удержавшись в сознании. Дай Бог памяти... кажется, третий курс; занятия в небольшой комнатухе, уставленной цветами. Но для нового преподавателя и она, похоже, велика. Уже потом я отмечала странные взаимоотношения Короны с декартовой системой координат: он, казалось, вовсе не занимал места в пространстве, и при этом ощутимо присутствовал в помещении — словно тонкий запах, который обычно не замечается, но который может многое рассказать человеку внимательному.

Что за спецкурс вёл у нас Корона — не помню. Запомнились лишь экзотические фамилия да отчество. Чувствовалось, что преподавание для него скорее досадная повинность, чем любимое дело, и не потому, что Валентин Вонифатьевич плохо знал своё дело и что ему нечего было нам рассказать. Он был всецело предан делу, которое для большинства окружающих было непонятным и, в общем-то, ненужным. Избранная им дорога шла поперёк кафедральной тематики, учебного плана, интересов коллег; она то пропадала в дремучих дебрях естественнонаучного структурализма, то вторгалась в тщательно лелеемые сады филологов. Поразительно, как он, почти никем не поддерживаемый, продолжал продвигаться в направлении, куда многим и глядеть-то страшно. Но это всё я поняла позже, а к третьему курсу мы знали про Корону лишь то, «что он опаснейший чудака» и плохой преподаватель. И это была сущая правда. Преподавать — вот так, с превозносящей приставкой «пре», с высокой кафедры ниспосылая мудрость на наши ветреные головы — он не умел никогда, да и учиться этому не хотел. Уникальные знания, которыми он владел, можно было лишь ПЕРЕдать, а не ПРЕподать. И если в двери его комнатухи появлялась любопытствующая мордочка — студента ли биофака, или просто случайно забредшего «чужака», Валентин Вонифатьевич немедленно оказывал внимание посетителю. И те, кто хотел и умел понимать, шли к нему сами — кто с вопросом, кто с проблемой, кто с сердечными делами, а кто и просто так. Корона тут же откладывал самые срочные дела, включал чайник и беседовал с гостями. Эти камерные беседы были, пожалуй, единственным, ради чего он жертвовал своим рабочим временем.

А времени ему не хватало катастрофически. Он воровал его у еды и сна, подкрепляя себя крепким кофе и ещё более крепкими сигаретами. «Творческая активность прямо пропорциональна концентрации никотина и кофеина» — это была одна из его любимых шуток, горько аукнувшаяся ему впоследствии. Иногда мне казалось, что он живёт в лаборатории. Но какая бы нелёгкая ни заносила меня туда (а впоследствии — в его рабочую комнатку в Институте экологии), лишь два или три раза за все эти годы я слышала чуть смущённое: «Лариса, извини — сегодня не смогу уделить тебе внимания. Срочно надо закончить одно дело». И мы бегали к Короне — поодиночке и компаниями. О, бесценный дар — понимать, что живые люди с их идеями, заблуждениями, придурями, надеждами важнее самого najważнейшего научного фолианта. Ко всему, что интересовало и тревожило нас, двадцатилетних, он относился с искренней серьёзностью. Живя затворником, он понимал происходящие вокруг события несравненно глубже нас. По путаным обрывкам информации, отголоскам, знакам, понятным ему одному, он умел ощутить скрытые течения, увидеть неочевидное,

угадать очертания листа в нераспустившейся почке... Его природная интуиция была изоощрена многолетним проникновением, точнее, вживанием в глобальные и неуловимые законы живых структур. Нам же его способность предвидения казалась магическим, сверхъестественным даром, и не напрасно: было в этой способности нечто, выходящее и за рамки чувственного опыта, и за границы известных нам путей познания. Проницательность Короны распространялась не только на объекты его исследования, но и на наши судьбы — как в профессиональной, так и в личной сфере. Его предсказания сбывались (и продолжают сбываться) с пугающей точностью. Он знал это — и точно дозировал информацию; по крайней мере, некоторые мои вопросы остались без ответа. Теперь понимаю, почему.

В то время, когда мои интересы болтались где-то между биологией эфирномасличных растений и этологией, Корона уже знал, чем я буду заниматься. Он ненавязчиво подсовывал мне очередную статью по морфологии, а я, как обычно, отмахивалась: потом, дескать, прочту (подразумевалось — да ну вас с вашими меронами и модулями). О, сейчас я бы сидела возле него как пришитая, жадно впитывая бесценную информацию, но... тогда мне это было вовсе неинтересно. Валентин Вонифатьевич не умел ничего навязывать; всё, что он делал, получалось как бы само собой, между делом. «Любимая девушка Короны», — подшучивала моя мама, когда он в очередной раз брал меня на какой-нибудь семинар... или на банкет, чтоб подкормить. В кошельке моём было негусто, и тактичная помощь Короны была весьма кстати. Воистину — «Голодного, видно, не сытый, а только голодный поймёт». Сам он от подарков упорно отказывался; помню тот день, когда он — к великой моей радости — принял от меня здоровенную пачку цейлонского чая. Принял — и тут же сунул в дальний ящик: «Для гостей...».

Корона хорошо знал, что делает. Интерес к структурализму и морфологии появился у меня позже, когда я стала аспиранткой Ботанического сада, а он перешёл в Институт экологии. Наши корпуса располагались друг напротив друга, и я провела много удивительных часов в его комнатухе, знакомясь с его работами и даже участвуя в них. Уходя, Валентин оставил мне удивительное наследство: своих друзей, с которыми я общаюсь и поныне. Уже состоялся мой дебют в области семантического анализа. Учитель, как всегда, оказался прав.

Тихий человек тихо прошёл по моей жизни. И там, где остались его следы, круглый год зеленеют травы и цветут удивительнейшие цветы.